ПОЭТИКА И РИТОРИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А.С.Демин

"ХОЖДЕНИЕ" ИГУМЕНА ДАНИИЛА В ИЕРУСАЛИМ (опыт комментария на тему "Россия и Запад")

Даниил, игумен монастыря, вероятно, в Черниговской земле, совершил свое паломничество в начале XII в., не ранее 1104 г. и не позднее 1115 г. "Западной" темы Даниил касался лишь мимоходом, её затрагивают три главных отрывка из его сочинения.

Отрывки из "Хождения" Даниила цитируются по изданию: Памятники литературы Древней Руси: XII век / Текст "Хождения" подгот. Г.М.Прохоров. М., 1980.

За основу перевода отрывков взят перевод Г.М.Прохорова, но с учетом принципов литературности перевода древнерусского текста, изложенных нами при переводе отрывков из "Повести временных лет" (см.: Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сб. 6. Ч.I. С. 53-54). Комментарий преследует широкие цели: на основе "западной" темы в памятнике подводит к характеристике личности писателя.

О Балдуине

"Поиде бо князь Иерусалимьский Балдвинъ на войну к Дамаску путем-тем к Тивирьядьскому морю... То азъ уведах, оже хощеть князь путем-темъ к Тивириаде, идохъ ко князю-тому, и поклонихся ему, и рекох: "И азъ бых хотел поити с тобою к Тивириадьскому морю, да бых походил святаа та места вся около Тивириадьскаго моря. Да Бога деля поими мя, княже!" Тогда княз-етъ с радостию повеле ми поити с собою и приряди мя къ отрокомъ своим" (84).

"...идох къ князю-тому Балъдвину и поклонихся ему до земли. Он же, видев мя, худаго, и призва мя к себе с любовию, и рече ми: "Что хощещи, игумене русьский?" Познал мя бяше добре и люби мя велми, яко же есть мужь благодетенъ, и смерен велми, и не гордить ни мала. Аз же рекох ему: "Княже мой, господине мой! Молю ти ся Бога деля и князей деля русских: повели ми, да бых и азъ поставил свое кандило на гробе святемь от всея Русьскыя земля". Тогда же онъ со тщанием и с любовию повеле ми поставити кандило на гробе Господни" (106).

“И тъ самъ князь Балъдвинъ стоитъ съ страхом и смиренiемъ великим, источници проливаются чюдно от очию его... поиде Балъдвинъ князь ко гробу Господню и з дружиною своею из дому своего, и вси бо сии пеши... И приидохом ко князю-тому и поклонихомся ему вси. Тогда и онъ поклонися игумену и всей братии... а иным игуменом и черньцем всем повеле пред собою поити... И князь по нас прииде и ста на месте своем... ту бо есть место княже, создано высоко... И пришед епископъ съ 4-рми дияконы, отверзе двери гробныя, и взяша свещу у князя-того у Балдвина, и тако вниде въ гробъ, и вожже свещу княжю первее от света того святаго, изнесше же из гроба свещу-ту, и даша самому князю-тому в руце его. И ста княз-ет на месте своемъ, свещю держа с радостию великою” (108, 110).

Перевод

Иерусалимский князь Балдуин пошел походом на Дамаск по дороге к Тивериадскому морю... Когда я узнал, что князь задумал путь к Тивериаде, то я пришел ко князю, поклонился ему и попросил: “Можно, и я пойду с тобою к Тивериадскому морю, чтобы обойти около Тивериадского моря все святые места? Ради Бога, князь, возьми меня с собой”. Князь тотчас с радостью позволил мне идти с ним и пристроил меня к своим слугам.

...Я подошел к князю Балдуину и поклонился ему до земли. Он, заметил меня, ничтожного, с любовью подозвал меня к себе и спросил: “Чего хочешь, русский игумен?” Он хорошо меня запомнил и отнесся ко мне с большой любовью, оттого что он человек благодетельный, очень смиренный, совсем не гордый. Я попросил его: “Мой князь, мой господин! Молю тебя ради Бога и ради русских князей, позволь мне, чтобы на святом гробе и я поставил свою лампаду от всей Русской земли”. Он сразу с готовностью и радостью разрешил мне поставить лампаду на гробе Господа.

... Сам князь Балдуин стоит со страхом и великим смирением, из очей его дивно истекают потоки... Из своего дома князь Балдуин со своей дружиной пошел ко гробу Господа, притом все пеши... Мы приблизились ко князю и все поклонились ему. Тотчас и он поклонился игумену и всей братии... а всем игуменам и монахам повелел идти впереди себя... Князь пришел после нас и стал на своем месте... Тут устроено возвышающееся княжье место... И подошел епископ с четырьмя дьяконами, открыл двери гробницы, взял свечу у князя Балдуина, затем вошел в гробницу, первой зажег княжью свечу от святого огня, вынес эту свечу из гробницы, отдал ее в руки самому князю. И князь стоял на своем месте, с великой радостью держа свечу.

В "Хождении" рассказывается о встречах игумена Даниила с крестоносцем Балдуином Фландрским, который был королем Иерусалимского королевства с 1100 до 1118 г. Изображение Балдуина помогает увидеть некоторые черты самого Даниила как писателя и личности.

1. Даниил преимущественно в церковных стилистических традициях описал Балдуина, представил его, в сущности, церковником. Вот ряд литературных параллелей. В древнерусских памятниках того времени принято было изображать именно церковных деятелей, особенно монахов, искренне-истовыми людьми, всегда с радостью, любовью и тщанием делающими все им положенное. С той же благостностью действовал у Даниила Балдуин: он "с радостью повеле" (84), он "призва... с любовию", он "познал... добре и люби", он "со тщанием и с любовию повеле" (106), "свещю держа с радостию великою" (110) и пр. Князья, мирские и вовсе не святые, обычно так не изображались, даже если речь шла об их участии в церковных церемониях.

Именно у церковных деятелей, включая монахов, памятники часто отмечали тихость, кротость, смирение. Например, Феодосий Печерский "имеаше бо съмерение и кротость велику" и учил других монахов "съмерену быти... и не величати ся" ("Житие Феодосия Печерского" // Успенский сборник XII-XIII вв. / Изд. подгот. О.А.Князевская, В.Г.Демьянов, М.В.Ляпон. М., 1971. С. 97, стб. 2; С. 99, стб.1). То же описал Даниил у Балдуина: "есть мужь благодетенъ, и смерен велми, и не гордить ни мала" (106), "стоитъ съ страхом и смирениемъ великим" (108). И эта черта тоже была не типичной для изображения древнерусских князей в литературе XI-XII вв.

Характернейшая черта святых, преподобных, блаженных — рыдания, слезы. Так, апостол Петр "источникы испустивъ от очию сльзьныя" (Слово Иоанна Златоуста о десяти девицах // Успенский сборник. С. 314, стб.2). То же, по словам Даниила, делал Балдуин: "источници проливаются чюдно от очию его" (108). Древнерусские властвующие князья (не блаженные) обычно не слезливы в произведениях XI-XII в.

С просьбой "Бога деля" в памятниках обращались обычно к церковникам или по поводу церковных дел: "Бога деля... сътвори молитву" ("Синайский патерик" // Памятники литературы Древней Руси: XII век / Текст памятника подгот. В.В.Колесов. М., 1980. С. 124). Но именно так, словно к церковному деятелю, обращался во время аудиенции к Балдуину Даниил: "Да Бога деля... княже", "молю ти ся Бога деля..." (84, 106).

Именно церковному лицу кланяются до земли: "вься братия поклониша ся ему до земля" ("Житие Феодосия Печерского". С. 99, стб.1), "поклонишеся ему до земля" ("Киево-Печерский

патерик" // Памятники литературы Древней Руси: XII век / Текст памятника подгот. Л.А.Дмитриев. С.438), "поклониша ся ему до земля" ("Синайский патерик". С. 122) и мн.др. Показательно, что также отнессся Даниил к Балдуину: "поклонихся ему до земли" (106).

Обычно только о церковных лицах памятники сообщали, что стороны кланяются друг другу: "да ся поклоняете късно другъ къ другу" ("Житие Феодосия Печерского". С. 99, стб. 1). Именно о взаимных благочестивых поклонах сообщил и Даниил, говоря о Балдуине: "поклонихомся ему вси, тогда и он поклонися" (108). Подобная деталь никогда не упоминалась по поводу других князей.

Наконец, всегда сугубо церковной в памятниках являлась сцена держания свечей в руках: во время переноса мощей Бориса и Глеба "предъидущем черноризцем, свеща держаще в рукахъ" ("Повесть временных лет" под 1072 г. // Памятники литературы Древней Руси: XI — начало XII века / Текст памятника подгот. О.В.Творогов. М., 1978. С. 194), при переносе мощей Феодосия Печерского "изыдоша же от града народи... свещи въ руках держаще" ("Киево-Печерский патерик". С. 444), при новом переносе мощей Бориса и Глеба "черньцемъ упредъ идущимъ съ свещами" ("Киевская летопись" под 1115 г. // ПСРЛ. М., 1962. Т.2 / Текст памятника подгот. А.А.Шахматов. Стб. 280) и т.д. Такая же деталь упомянута Даниилом в заключительной сцене с присутствием Балдуина: "свещу... даша самому князю-тому в руце его. И ста княз-ет на месте своемъ, свещю держа..." (110). Ни один князь, кроме Балдуина, не представлен в подобном виде в памятниках XI-XII вв. Даниил явно был начитан в житиях, хотя безыскусно пользовался своей начитанностью,— просто вводил в рассказ церковную фразеологию целыми блоками.

2. Почему Балдуин превратился у Даниила в наихристианнейшего государя? Ведь реальный Балдуин, славившийся огромным ростом и физической мощью, необычайной воинственностью и храбростью, большую часть времени проводил в войнах и в конце концов пал на поле брани. О его набожности ничего не известно. (см.: Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., б.г. Т.4. Стб. 834. Правда, хронист Вильгельм Тирский отметил, что по одеянию "Балдуин I... более казался епископом, чем мирским лицом" — цит. по: Данилов В.В. К характеристике "Хождения игумена Даниила" // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1954. Т. 10. С. 94. Но Даниил охарактеризовал не одежду, а поведение Балдуина).

Дело, по-видимому, в том, что Даниил глазами церковника смотрел на Балдуина и на весь мир. Поэтому о походах Балдуина игумен упомянул очень глухо и только как о подспорье своему паломничеству. Поэтому о людях — местных "отцах", а также о фрягах, корсарах, сарацинах и прочих "поганых" — Даниил упомянул тоже только с точки зрения

того, насколько они помогают или мешают в паломничестве, церковном строительстве, монастырской жизни и пр. (ср. упоминания о "фрягах": "стоит Христос, сделанъ сребром, яко в мужа более, и то суть фрязи сделали", "есть ныне ту монастырь фряжьский, богат зело", "фрязи обновили место то суть и устроили добре" — 34, 86, 100 и мн.др.). Поэтому, наконец, у всех посещенных им мест Даниил описал только святыни, церковные достопримечательности, условия для церковного благополучия (ср.: Переверзев В.Ф. Литература Древней Руси. М., 1971. С. 46: "герой "Хождения" обнаруживает себя путешественником узкого кругозора").

Церковный взгляд на мир автор проявил в "Хождении" не столько в результате своей христианской экзальтированности, сколько вполне намеренно. Оттого повествование Даниила хотя и искренне, но вовсе не восторженно, постоянно толково и трезво, а иногда даже несколько скептично. Например, о латинской вечерне Даниил рассказал не без противопоставления православных и латинян: "начаша вечернюю пети на гробе горе́ попове правоверни... Латина же в велицем олтари начаша верещати свойскы" (110). Или: греческие "кандила вожгоша тогда, а фряжьская кандила... ни едино не възгореся" (106).

Последовательный, церковный взгляд на все́ в мире, и на князей тоже, был присущ целому ряду ранних древнерусских авторов, начиная со "Слова о законе и благодати" митрополита Илариона, а в "Поучении" Владимира Мономаха, наиболее близком по времени к "Хождению" Даниила, были высказаны идеи, близкие к смыслу Даниилова изображения Балдуина. Мономах призывал князей: "Епископы и попы и игумены... с любовью взимайте от них благословленье", "паче всего гордости не имейте в сердци и въ уме", "боле же чтите гость... или солъ", "и человека не минете, не привечавше, добро слово ему дадите", "победити... покаяньемъ, слезами и милостынею... а Бога деля не ленитеся" и пр. (Памятники литературы Древней Руси: XI — начало XII века / Текст памятника подгот. О.В.Творогов. С. 328, 396, 400). Последовательно церковным мироотношением отличались "Чтение о Борисе и Глебе" Нестора и в особенности "Киево-Печерский патерик".

3. Коснемся еще одной литературной особенности "Хождения". Балдуин выступил у Даниила, пожалуй, преувеличенно строгим рачителем христианской чинности и порядка. Недаром Даниил отметил, что во время торжественных церемоний в Иерусалиме обычно "велика теснота и томление люте людемъ ту бываеть, мнози бо человеци ту задыхаются от тесноты людий бещисленных", но вот вышел Балдуин и навел порядок: "повеле воином, и разгнаша люди насилие, и створиша, яко улицю, олне до гроба, и тако могохом проити сквозе люди ольне до гроба" (108, 110). И далее Балдуин твердо руководил церемонией, повелевая, куда кому идти и где стать. У него все стоят "съ смерением". Думается, все "Хождение" Даниила

свидетельствовало и о том, как усиленно блюдутся христианские святыни, традиции и порядки во Святой земле.

В древнерусской литературе начала XII в. нет прямых аналогий уважению Даниила к Балдуину и к современному Иерусалиму. Однако можно предположить, что подобную тему книжность того времени затрагивала. Так, возможно, не случайно "Киевская летопись" под 1110 г. вдруг вспомнила об Иерусалиме, о том, что ангел пригрозил Александру Македонскому смертью за намерение напасть на Иерусалим и повелел ему, напротив, поклониться до земли некоему тамошнему мужу: "...умьрьши, поне же помыслилъ еси взити въ Ерусалимъ, зло створити ереемъ Божьимъ и к людемъ его... Иди путем твоимъ к Иерусалиму, и узриши ту въ Ерусалими мужа... и борзо пади на лици своемь, и поклонися мужу тому, и все, еже речеть к тобе, створи" (ПСРЛ. Т.2. Стб.263-264).

4. В описании Даниила Балдуин выглядел знакомо-"своим", и доступным человеком. Все поступки Балдуина были понятны и не требовали особых пояснений. Даниил беспрепятственно посещал Балдуина, о чем запросто сообщал: "идохъ ко князю-тому", "и приидохом ко князю-тому" (84, 106, 108). Даниил с легкостью оказывался около Балдуина в самых разных ситуациях: "в тою месту ста обедати князь Балдвинъ с вои своими. Ту же и мы стахом с нимъ" (88); Балдуин "мне, худому, близь себе поити повеле" (108), "и ста княз-ет на месте своемъ... и от того вси свои свещи въжгохомъ, а от наших свещь вси людие вожгоша свои свещи" (110). (Ср.: "...по рассказу Даниила выходит так, что он имел совершенно свободный доступ к королю... На самом деле в окружении Балдуина не было такой патриархальности и простоты" — Данилов В.В. К характеристике "Хождения игумена Даниила". С. 94).

Кстати говоря, евангельские места и предметы, увиденные Даниилом, тоже представали знакомо-"своими" и доступными. Даниил нередко сравнивал увиденное с родными местами и привычными ему предметами, находя нечто родственное, и радовался постоянной удачности своих посещений, проникновению в самые заповедные уголки.

В XI-XII вв. мир и обитающие в нем люди (ср., например, Несторово начало "Повести временных лет") мыслились гораздо менее чуждыми и более доступными для путешественника, чем это стало представляться позднее.

5. Балдуин со своими воинами и слугами представлен в "Хождении" также как своего рода защита русскому игумену. Даниил специально подчеркнул любовное отношение к нему Балдуина ("призва мя к себе с любовию... люби мя велми... с любовию повеле ми" — 106), указывая не столько на свою официальную значительность, сколько на свою защищенность. Благодаря Балдуину Даниил прошел страшные места "бес страха и без пакости" (84) и был спасен от людской давки во время празднества.

Тема личной защищенности наивно-откровенно пронизывает все "Хождение" Даниила, который отмечал то ласковость прочих своих сопровождающих (например: "святому мужу вложи Богъ въ сердце любити мя... по всей земли-той поводи мя... и потрудися со мною любве ради" — 26; ключарь "съ любовию поимъ мя, введе..." — 112), то надежность своего охранения ("добру дружину и многу зело, и тако могохомъ прейти бес пакости место-то страшное" — 68; "обретохомъ добру дружину многу... и идохомъ с радостию с ними безъ боязни и доидохомъ по здраву" — 74; и мн.др.), то его вероисповедную родственность ("вся дружина русьстии сынове, приключьшиися тогда во тъ день новгородци и кияне... створивше целование съ правоверными" — 112; "почестиша ны добре в селе-том християне" — 76; и мн.др.). Если окружение не защищало, то хотя бы оберегало ("не даша ны ити тамо правоверннии человеци" — 74). Иногда и иноверные выступали оберегателями Даниила ("старейшина бо срациньский сам со оружиемъ проводи ны" — 76). А если у игумена не имелось людской защиты, то того Бог неплохо хранил, о чем Даниил писал много раз (ср.: "нам же не пригодишася дружина, но сами едини... проидохом, Божиею благодетию храними и молитвами... Богородца сблюдаеми, бес пакости по здраву доидохом..." — 98).

Другим паломникам ходить страшно и опасно, а Даниил, судя по тексту "Хождения", всегда защищен, всегда "бес страха". Только однажды отмечена им неприятность: напали корсары, "яша ны и излупиша всех". Но кончилось все благополучно: "доидохом по здраву" (82). Даниил со всепоглощающим оптимизмом вспоминал о своем путешествии. Столь же оптимистично вспоминал о своих походах разве что Владимир Мономах.

6. Наконец, в повествовании Даниила о Балдуине встречаются три дополнительных мотива, типичных для всего "Хождения". Во-первых, благодаря Балдуину Даниил быстро исполняет свои желания. Только попросит Балдуина: "И азъ бых хотел поити... ", — и уже это свершается: "И тако проидохомъ..." (84). "Повели ми, да бых и азъ поставил свое кандило..." — "И поставих своима рукама..." (106). Все "Хождение" с начала и до конца содержит нечто вроде рефрена, правда, тоже безыскусного: хотел — получил (ср. в начале: "похотелъ видети" — "и видех" — 24. Ср. в конце: "...испонити ми желание сердца моего — его же есмь сподобился видети" — 104). "Хождение" написал и Балдуина обрисовал очень ублаготворенный, глубоко довольный человек, не затруднявший себя сложными литературными поисками при выражении своих чувств.

Об этом свидетельствует и второй мотив. Даниил отметил: Балдуин "познал мя бяше добре" (106). Оценка "добре" — одна из самых частых в "Хождении". По Даниилу, все хорошо и прекрасно. Даже если дождь пошел: "дождь малъ... смочи ны

добре" (110). "Ничто же зла не видехом на пути сем, но все добро показа намъ Богъ видети очима своима" (104).

В-третьих, Балдуин доставлял одну только радость Даниилу, который после аудиенций постоянно записывал: "азъ с радостию великою", "идохъ с радостию великою", "изидох... с радостию великою" (84, 106, 108). Судя по необычайно частым упоминаниям радости в тексте "Хождения", можно предположить, что Даниил почти все был склонен воспринимать с благочестивой великой радостью и что в состоянии приличествующего воодушевления он написал свое "Хождение".

В общем, через созданный довольно однообразными средствами идеализированный облик Балдуина и обстоятельств путешествия приоткрывается личность автора "Хождения". Это был, пожалуй, самый христиански гармоничный, незатейливый и бодрый автор в древнерусской литературе XI-XII вв.